

похож, однако сходство не поднимается до выявления сущности явления.

Таким образом, сравнительный смысл «сходство» реализуется в сравнительных конструкциях по-разному, обнаруживая разные аспекты и результаты сравнительной деятельности. Этим и объясняется богатство и разнообразие сравнительных конструкций в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Девятова Н.М. О сравнении образом, логическом, отождествительном // Преподаватель XXI века. – 2008. – № 4. – С. 101-105.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: «Наука», 1975. – 720 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд-е 23-е, исправл. – М.: «Русский язык», 1991. – 917 с.
4. Павлова Т.А. Предложения со значением сходства // Идеографические аспекты русской грамматики. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 106 – 116.
5. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. – Харьков: Типография «Мирный труд», 1914. – 164 с.
6. Шенько И.В. Синтаксис и семантика образного сравнения (на материале английского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1972. – 24 с.

УДК 80/81

Евтушенко О.В.

Московский государственный лингвистический университет

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПТА «ГОСУДАРСТВО» ПРИ ЕГО ВОПЛОЩЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧЬЮ*

О. Evtushenko

Moscow State Linguistic University

THE EVOLUTION STAGES OF THE CONCEPT "STATE" AT ITS EMBODIMENT BY ART SPEECH

Аннотация. Статья посвящена диахроническим изменениям концепта «государство», отраженным в художественных текстах XVIII–XXI вв. Выделяются пять этапов эволюции концепта, описываются характерные для каждого из них когнитивные процедуры. Анализируются изменения в семантической структуре и контекстуальных значениях слов *государство*, *страна*, *власть*, а также перераспределение между ними функций репрезентации исследуемого концепта.

Ключевые слова: диахронические изменения, концепт, художественная речь, лексико-семантическая структура слова, контекстуальное значение, неологизм.

Abstract. The article deals with the evolution of the concept "state" represented in the literary works of the 18-21 centuries. Five stages of the concept evolution were determined, and the characteristic cognitive procedures for each of them were described. The author analyzes the changes in the semantic structures and the contextual meanings of the words state, country, authority, and in addition the functional redistribution of the tokens of the concept.

Key words: diachronic changes, concept, art speech, lexical-semantic structure of a word, contextual meanings, neologism.

* © Евтушенко О.В.

Концепт представляет собой компактную форму хранения фрагмента знания, которым человек может оперировать и как целостной единицей, и как структурой достаточно высокой степени сложности (подробнее см. [9]). Не случайно В.З. Демьянков называет отличительным признаком концепта его способность «раскрываться», подобно почке [3]. Анализ эволюционных изменений концепта позволяет не только начертить вектор развития национальной мысли, но и определить характер доминирующих на той или иной стадии этого развития мыслительных процедур. Тем не менее вопросы диахронии пока не привлекли серьезного внимания когнитологов.

Предпринятое нами исследование показало, что эволюция концептов в процессе художественного познания действительности носит волнообразный характер, и усложнение их структуры сменяется ее упрощением. В своем развитии концепт проходит следующие этапы: «кодирования» (т. е. первичного дробления, которое неразрывно связано с изобретением простых или составных номинаций для обозначения выделенных элементов), «препарирования» (сначала образной, а затем рационально-логической детализации, заканчивающейся выработкой воспроизводимого – классического – состава структурных компонентов, по которым узнается концепт), «инкрустирования» (вычленения в познаваемом фрагменте действительности таких категорий, которые прежде оставались незамеченными; присвоенные им обозначения редко выходят за рамки индивидуально-авторского употребления), «моделирования» (т. е. эксперимента с ментальными пространствами, логическими структурами, языком) и «нивелирования» (т. е. утраты различий с категориями обыденного мышления).

Принципы установления состава концепта «государство» в современном обыденном сознании описаны в [7]. Анализ контекстуальных синонимических замен лексемы *государство* в двух его словарных значениях позволил определить, что вербальным воплощением этого концепта служат слова *го-*

сударство, страна, власть. Диахроническое распределение между ними смыслов, относящихся к государству, и будет рассмотрено далее.

Начальный этап становления русского литературного языка (до конца XVIII в.) – это этап функционирования синкретического понятия *государство*, включавшего в себя смыслы «земля (страна)» и «правление (власть)». Как отмечает И.С. Улуханов, в древнерусскую эпоху это слово «называло земли, управляемые государем» [15, с. 233]. Примечательно, что те же смыслы входили и в семантическую структуру древнерусского слова *власть*: «3. власть, господство, 4. управление, 5. страна, область» [13, 1, с. 273]. Можно сказать, что два слова покрывали общую область знаний, но фокусировали внимание на разных ее сторонах. Не случайно П.Я. Черных определяет значение слова *волость* на период XI в. как «государство, страна» [16, с. 157]. Слово *страна* в древнерусском языке имело семантическую структуру, включавшую лишь один из указанных смыслов – «5. страна, земля, область» [13, 3, с. 535–536].

Начало XIX в. – это этап кодирования, т. е. дробления синкретического понятия и присвоения имен новообразованным категориям, с последующим превращением бывшего прежде синкретическим понятия в концепт со сложной структурой. Не случайно именно в это время появляется «История государства Российского» Н.М. Карамзина. В этом тексте формируется новый конкорданс слова *государство*. В фокус внимания попадает этническая составляющая (*имя Русское имеет для нас особенную прелесть* [1]), а также те смыслы, которые в наше время входят в понятие *страна*: быт (*гражданское бытие*, т. е. не военное, не связанное с завоеваниями, что ослабляет смысл «власть», *гражданские обычаи*), экономика (Карамзину приписывается создание слова *промышленность* [2]), культура. Н.М. Карамзин употребляет окказиональное словосочетание *государственная нравственность* (*...обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уваже-*

ние к предкам в достоинство гражданину образованному? [1]), благодаря чему в структуре концепта «государство» появляется компонент «нравственность». Формируется другой структурный компонент – *единство*. Для него Н.М. Карамзин приспособляет появившееся в конце XVIII в. слово *общественность*¹: *А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой земле все возможные удобства жизни, как будто бы нарочно для меня придуманные...* (Письма русского путешественника, 1793) [1].

Новым смыслом наполняется слово *гражданин*: древнерусское значение «горожанин; житель» [13, 1, с. 577] модифицируется за счет появления коннотаций «патриот», «долг перед государством (отечеством, обществом)²»: *Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя* (Карамзин, История государства Российского, 1816–1826) [1]. К середине XIX в. вторая коннотация формирует новое значение, которое в Словаре Ушакова описано так: «2. Сознательный член общества, человек, подчиняющий свои личные интересы общественным» [20].

Следующий эволюционный этап – препарирование – начинается с образной детализации понятия. Показательно, что яркие, живые, отличающиеся разнообразием ме-

тафоры государства появляются только в начале 40-х гг. XIX в. у Н.В. Гоголя. Некоторые из них развивают тот образ, который на предшествующем эволюционном этапе лишь угадывался по переносным значениям признаков слов в ближайшем контекстном окружении слова *государство*. Так, например, в конце XVIII в. универсальные схемы «вместилища» и «связи» совмещались в едва намечившейся синкретичной метафоре «строения»: *Чем государство основательнее в своих правилах, чем стройнее, светлее и тверже оно само в себе, тем менее может оно позыбнуться и стрястися от дуновения каждого мнения...* (Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, 1790) [1].

Н.В. Гоголь отделяет одну схему от другой и закрепляет полученный результат с помощью разнообразных метафор. Так, схема «связь» воплощается в метафорах «организм», «машина», «оркестр»: *...Изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала; ...Не увеличить сложность и без того уже весьма сложного государственного механизма...; ...Обратить в стройный оркестр государство* (Выбранные места из переписки с друзьями, 1843–1847) [10]. Схема «вместилище» воплощается в метафоры «дом» (...*Предпринял он заглянуть в те и другие углы нашего государства*), «город» (*из отдаленных закоулков государства*) [10]. Впоследствии каждая из этих метафор получит развитие у других авторов.

На этапе оппозитивного членения (примерно 70–80-е гг. XIX в.) из значения слова *государство* выдвинулось новое, сначала контекстуальное, а затем и языковое, значение «властные структуры». За этим последовал этап снятия противоположности, который отмечен совпадением прежнего значения слова *государство* и сложившегося к этому времени значения слова *страна*.

Во времена Н.М. Карамзина слова *государство* и *страна* были, скорее, противопоставленными по своей субъективной модальности, чем сопоставленными по общим смысловым компонентам. Если *государство*

¹ До «Писем русского путешественника» (1793) слово *общественность* встречается в «Житии Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений» А.Н. Радищева (1789), в значении «обобщенность»: *общественность довода* [14]. Н.М. Карамзин придает слову новое значение, привязавшее его к номинативному полю концепта *Государство*, см. впоследствии: *Чувство общественности теперь везде сильнее, чем когда-либо прежде было. Каждый живет чувствует себя в обществе и общество в себе, и каждый по крайней мере претендует служить обществу, служа себе самому* (Белинский, Руководство к всеобщей истории) [14] и далее: «Общественность – 1. см. общественный. 2. *собир.* Общество, передовая его часть, выражающая его мнение» [15, с. 440].

² Начало формированию второй коннотации было положено, по-видимому, Екатериной II, см.: «...Могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами...» (Генеральное учреждение о воспитании обоюбого пола юношества [14]. По наблюдению В.В. Виноградова, А.Н. Радищев употреблял слово *гражданин* в одном контексте со словом *равенство* [2].

ассоциировалось с народом, национальностью и имело регулярные контекстуальные синонимы *Русь*, *Отечество*, что поддерживало модальность «свой», то *страна*, имевшая в древнерусском языке значения «4. противник на войне; <...> 6. чужая страна; <...> 8. иноверный народ; 9. языческий народ» [13, 3, с. 535–536], была наделена модальностью «чужой». Ср. у Карамзина: *государство Российское* и ...*Мы удалились в ту страну, где <...> многочисленные народы поклоняются лжепророку Магомету* (Наталья, боярская дочь, 1792) [1]. Эти различия сохраняются до 70-х гг. XIX в., см.: – *Да; чтобы не восходить далее и не искать указаний в странах совершенных дикарей* (Лесков, На ножах, 1870) [1]. Однако уже к концу этого десятилетия наблюдается нейтрализация значений рассматриваемых слов: *Ему казалось, что при нормальном развитии богатства в государстве все эти явления наступают, только когда на земледелие положен уже значительный труд, когда оно стало в правильные, по крайней мере, в определенные условия; что богатство страны должно расти равномерно и в особенности так, чтобы другие отрасли богатства не опережали земледелия* (Толстой, Анна Каренина, 1878) [10].

Сдвиг в номинативном поле концепта *Государство* и передача прежних номинативных функций от слова *государство* к слову *страна* произошел в конце XIX в. Эти из-

менения наглядно представляет следующая таблица:

Цифры показывают, что в первой половине XIX в. фокус внимания сместился с взаимоотношений с соседями и завоеваний окраин к внутригосударственному устройству, отчего повысился индекс употребления слова *государство*. Однако в 80-х гг. наступает перелом: передача основной смысловой нагрузки слова *государство* лексеме *страна* приводит к резкому изменению их пропорционального соотношения в художественных текстах. Закрепление *страны* в роли доминанты отмечается в первое десятилетие XX в. Именно эта лексема теперь обнаруживается в том контекстном окружении, где прежде использовалось слово *государство*, ср.: *покорил государство и целый народ в несколько миллионов* (Толстой, Война и мир, 1867–69) / *определяют будущее стомиллионной страны* (Савинков, То, чего не было, 1912); *не отнимет ни чести, ни славы его как великого государства* (Достоевский, Братья Карамазовы, 1880) / *Торговая честь страны* (Горький, Фома Гордеев, 1899) [14].

Однако уже в 20-е гг. слово *страна* теряет свои позиции: для концепта «государство» начинается этап переразложения. К слову *страна* добавляется распространитель *советская*, который так же, как и внутренняя форма слова *государство*, отсылал к информации: «под чьей властью находилась терри-

Таблица

Распределение слов *государство* и *страна* в художественных текстах XVIII–XXI вв. (среднее число на 10 документов по НКРЯ)

Период \ Слово	1750–1820	1830–1870	1880–1900	1900–1910	1920–1930	1960–1970	2000–2010
Государство	39	42	4	5	11	14	13
Страна	83	17	12	19	24	16	41
Процентное соотношение	1/2	2/1	1/3	1/4	1/2	1/1	1/3

тория?» Аналогом второго незадолго перед этим выделившегося значения слова *государство* – «властные структуры» (см.: *Плохо служит нам государство*. Чернил, вон, цельный пузырь прислали, а они и не понадобились [12, с. 194]) – становится сочетание *Советская власть*: *Некоторые капиталисты просили, чтобы их наняла Советская власть себе в батраки – без пайка и без жалованья* [12, с. 250], ср.: *наняло государство*. Проявляется и обратный процесс: название органа власти становится возможным метонимически употребить для обозначения управляемой им территории: *Мужики жили и молчали, а Сербинов ехал дальше в глубь Советов, чтобы добиться для партии точной правды из трудящейся жизни* [16, с. 344]. Впоследствии для нейтрализации коннотации «нестабильность», развившейся в пореволюционные годы у слова *власть*, стали употреблять явный плеоназм *государственная власть*, например: *Наше пользование землей беззаконно. Оно самочинно скрыто от установленной государственной властью учета* (Пастернак, Доктор Живаго) [10], ср.: *от осуществляемого государством учета / от государственного учета*.

Такое перераспределение функций между репрезентантами концепта объясняется экстралингвистическими причинами, в частности использованием новой номинации властных структур подчеркивался разрыв с прежним государственным устройством¹. Однако нельзя не заметить, что этот процесс точно совпал по времени с обновлением репрезентантов и у других изученных нами и далеких от «государства» концептов. По достижении порога насыщения номинативного поля концепта единицами с антиномичными коннотациями на этапе препарирования (например, *государство Российское /*

¹ (Как отмечает И.С. Улуханов, «исконный (этимологический) признак государства – это наличие правителя (*государя*)» [15, с. 226]. В.И. Ленин в своих работах (например, в «Очередных задачах Советской власти») с высокой частотностью слово *государство* употребляет с распространителем *буржуазное*, тогда как новый тип государства именуется *Советской республикой* или *Советской властью*).

буржуазное государство; устои государства / Государство и революция) сознание проявляло способность активизировать новые зоны структуры концепта. Важную роль в этом сыграло накопление в начале XX в. актуальных текстов с ключевым словом *власть* (*Мы будем вести борьбу за власть; Вся власть Учредительному собранию / Советам*).

Передача значительной части функций от *государства 1 – стране*, а от *государства 2 – власти* имеет характерную направленность: исконно русское слово уступает словам с церковнославянскими корнями, что может объясняться отказом от национальной идеи в пользу космополитической по сути общепролетарской идеи. В 30-е гг. предпринимались попытки построить оппозицию *страна / сторона*, но она не закрепились в языке, см.: *...Избяная Русь, родная сторонюшка, не страна: единство социальное и бытовое, а не государственное и даже не географическое* (Ходасевич, Некрополь, 1939) [1]. В этой связи важно заметить, что только слово *страна* (но не *государство!*) имело в древнерусскую эпоху языковое, а в наше время имеет контекстуальное значение «народ», оно расширяет текстовое пространство, открывая географическую перспективу; и только *власть* может персонализироваться в любом субъекте без ограничений, чего нельзя сказать о *государстве* (ср. *Стало быть, ты власть!* [16, с. 173] и *Государство – это я*: в первом случае местоимение допускает подстановку любого имени собственного, во втором – практически только одного, поскольку при любой трансформации сохраняет аллюзивный характер).

20–30-е гг. XX в. – это одновременно и этап инкрустирования, т. е. актуализации новых структурных элементов концепта «государство». Начинает активно разрабатываться кластер «люди – человек – личность», что является естественным развитием антропологического направления в русской культуре. Е.И. Замятин в романе «Мы» (1920) выстраивает антитезы «человек – номер» (*она уже не была номером – она была только человеком*), «индивидуальность – общность» (*Я лишь по-*

пытаюсь записать то, что вижу, что думаю – точнее, что **мы** думаем [1]). При этом начавшаяся на этапе кодирования разработка структурного компонента *общество* совсем прекратилась.

Рассматриваемый период характеризуется одновременно как активное моделирование концепта. И дело не только в моделировании нового государственного устройства (*наше социалистическое государство, молодое Советское государство*). Появляются такие редуцированные модели, как «человек-государство»: *И Катафалаки решил: объявить самого себя государством. <...> Ему приходилось быть комиссаром всех своих комиссариатов и подданным самого себя. <...> Жизнь человека-государства становилась с каждым днем все невыносимее* (Кржижановский, Материалы к биографии Горгиса Катафалаки, 1929) [1]. Контекст неологизма показывает, что порядок значений входящего в него слова *государство* изменился: на роль первичного стало претендовать значение «властные структуры», чего еще не наблюдалось при изолированном употреблении слова *государство* в художественных текстах того времени. Жизнеспособность созданной модели доказывается аллюзивным обращением к ней по прошествии 70 лет: *Если бы не помощь Международного валютного фонда / отца, долги в зачатке похоронили бы молодое государство в лице меня* [10].

Прерванный социально-политическими обстоятельствами процесс моделирования возобновился в начале XXI в. и выразился в альтернативной редукции, т. е. в воплощении в текстах преимущественно негативных знаний о государстве не только как о «властных структурах» (см.: *Мы сами позволили государству быть бесчеловечным* [5, с. 191]), но и о «стране» (...*Живем мы в катастрофическом государстве* [5, с. 191]). Слово *народ* второй раз в российской истории вытеснено словом *население*: *Иначе как вы объясните, что население страны сделало своими гуру персонажей с сомнительной репутацией, страдающих алкогольной и прочими зависимостями, и с зарплатой в полторы тысячи долларов?* [10].

Примерно с середины XX в. наблюдается процесс упрощения концепта, который мы связываем с нивелированием различий между художественным и обыденным мышлением. Яркий признак перехода к этапу нивелирования – стереотипизация. Она проявляется в заметном росте обращений к прецедентным феноменам и употреблений клише, как например: *Мачо тотчас обиделся и почернел от злости, проявив осведомленность, что русская – дочка **кухарки**, сделавшей революцию и **управляющей государством**, тогда как он – всего лишь дон в четырнадцатом поколении* [12, с. 148].

Этот этап развития концепта связан с возвращением укорененных в народной культуре и деактуализированных в процессе развития литературного языка вербальных репрезентантов. В частности, обращает на себя внимание необычная частота употребления сложного слова *царство-государство*: *Посвящается русским капитанам, этим крепчайшим служакам, на чьих горбах да гробах покоилось во все века **наше царство-государство**, вечная всем память* (Павлов, Казенная сказка, 1993) [10]. Не менее показательной является актуализация в естественном языке такого историзма, как *Государственная Дума*, провоцирующая авторов на помещение в контекст исторической стилизации: *Отныне и в течение ближайших четырех лет **Государственная дума** будет стоять на шести китах*. И далее: ...*Он стоял на берегу не совсем чтобы пустынных волн полный, по мысли режиссера, великих и **государственных дум*** (Баконина, Школа двойников, 2000) [10]. Приведенный пример позволяет предположить, что художественная речь наделена способностью вытаскивать естественный язык из «кризиса нивелирования» путем возвращения слову той части изначальных смыслов, которая в сложившейся исторической ситуации может придать мысли новое направление.

Исследование показало, что изменения концептов хоть и зависят от социально-исторических и социо-культурных факторов, но направляются они закономерностями

развития сознания. Мы представили здесь лишь те из них, что отражены в художественной речи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библиотека Максима Мошкова: Русская классика [электронный ресурс]. – М.: ИД Равновесие, 2007. – 1 CD-ROM.
2. Виноградов В.В. История слов. – М.: РАН ОЛЯ; ИРЯ РАН, 1999. – 1138 с.
3. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. – С. 606–623.
4. Ерофеев В.В. Бог X / В.В. Ерофеев. – М.: Зебра Е, 2005. – 350 с.
5. Караулов Ю.Н., Михайлов О.Д. «Государственность» как образ государства в обыденном сознании носителя языка-культуры // Русское слово в русском мире-2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян. – М.: «Азбуковник», 2006. – С. 66–117.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Ин-т языкознания РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
7. Ленин В.И. Сочинения: в 35 т. – 4-е изд. – Т. 27. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1953. – 364 с.
8. Липскеров Д. Осени не будет никогда. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 352 с.
9. Минаев С. The telki [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru/minaev/the_telki (дата обращения: 10.12.2010).
10. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 8.12.2010).
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: А ТЕМП, 2004. – 944 с.
12. Платонов А. Чевенгур // Платонов А. Избранное. – М.: Московский рабочий, 1988. – 25–396.
13. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 4 т. – М.: Книга, 1989. – Т. 1. – 806 с.; Т. 3. – 852 с.
14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ; ГИИНС, 1938. – 1040 с.
15. Улукханов И.С. Слово «государство» в кругу генетически и семантически близких слов // Русское слово в русском мире-2005: Государство и государственность в языковом сознании. – М.: «Азбуковник», 2006. – 226–237.
16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1993. – 560 с.